

ВЛАДИМИР ЖАБОТИНСКИЙ

КАРТА
МИРА

СЛОВО О ПОЛКУ

Владимир Евгеньевич Жаботинский

Слово о полку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6544466

Владимир Жаботинский. Слово о полку: Фолио; Харьков; 2012

Аннотация

Перед вами автобиографическое произведение, страстная исповедь, в которой отразилась одна из самых ярких страниц в истории сионистского движения – создание Еврейского легиона. В своих мемуарах Владимир (Зеев) Жаботинский повествует о еврейских добровольцах, которые в составе английской армии во время Первой мировой войны боролись за освобождение Палестины (Эрец-Исраэль) от османского владычества. Это строгий и лаконичный рассказ о буднях и подвигах бойцов и командиров, о реальных событиях, которые уже вскоре после войны стали наполняться мифами и домыслами. Язык Жаботинского поэтичен, автору некогда предсказывали большое литературное будущее, однако он посвятил себя делу национального возрождения своего народа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Жаботинский

Слово о полку

Глава 1

Как зародилась мысль о легионе

В начале декабря 1914 года на пароходе, шедшем, кажется, из Чивитавеккьи, приехал я в Александрию. Английский чиновник, вертя в руках мой русский паспорт и пытаясь выудить среди тридцати с чем-то нагроможденных виз разрешение на высадку в Египте, в то же время беседовал с офицерами из наших пассажиров и вдруг сказал:

– А на днях сюда привезли на пароходе из Яффы чуть ли не тысячу сионистов – турки их выгнали из Палестины.

Шел уже пятый месяц войны, и уже три месяца и больше, в роли корреспондента «Русских ведомостей», я скитался по разным углам невеселого тогдашнего света. Редакция мне поручила не столько писать о самой войне, сколько о настроениях в связи с войной. В Швеции надо было выяснить, разделяет ли тамошнее общество новую веру Свен Гедина – будто Россия задумала отобрать у Норвегии не то Нарвик, не то даже Берген, чтобы этим путем приобрести, раз не дают ей Константинополя, незамерзающую гавань на теп-

лом Гольфстриме вместо теплого Босфора; если разделяет, то нет ли опасности, что шведы примкнут к Германии и объявят России войну. В Англии мне поручено было присмотреться, нет ли доли правды в остроте, которая бойко тогда ходила по ресторациям земли русской и прочих земель, – что британский лев «готов воевать до последней капли русской крови». Во Франции «выяснить» было нечего – французские настроения даже у остряков не вызывали никаких сомнений: там нужно было просто приглядеться – если пустят – к быту фронта; посмотреть Реймс и проверить, действительно ли немцы вконец расстреляли прекрасный собор; а также сообщить, бодро ли держится Париж или уныло. Но на месте оказалось, что «Париж» переведен уже в Бордо: правительственным учреждениям пришлось на время удалиться из угрожаемой столицы; я поехал в Бордо, и там в одно мокрое утро я прочел на стене афишу о том, что Турция фактически примкнула к центральным державам и начала военные действия.

Признаюсь: до того утра я себя чувствовал, в Бордо и повсюду, просто наблюдателем, без особенных каких-либо побуждений пламенно желать одной стороне полной победы и полного разгрома другой. Ориентация моя в то время писалась так: мир вничью, и как можно скорее. Турецкий жест в одно короткое утро сделал из меня фанатика войны до конца – сделал эту войну «моею». Еще в 1909 году, когда я в Константинополе обер-редактировал (это бывает только в моло-

дости) сразу четыре сионистских газеты, а в Высокой Порте пановали младотурки, сложилось у меня незыблемое убеждение: где правит турок, там ни солнцу не светить, ни траве не расти, и вне распада Оттоманской империи нет надежды на восстановление Палестины. Теперь в Бордо, прочитав на стене подмокшую афишу, я сразу сделал единственный логический вывод; и по сей день не понимаю, почему многим из друзей моих понадобилось столько лет, чтобы прийти к такому простому заключению. Дело казалось мне ясно как дважды два: что будет с евреями России, Польши, Галиции – все это очень важно, но в размахе исторической перспективы все это – вещь временная по сравнению с тем переворотом еврейского бытия, какой принесет нам расчленение Турции.

В том, что Турция, раз она только вмешалась в войну, будет разбита и разрезана в клочья, у меня сомнений не было: опять-таки не понимаю, как могли вообще у кого бы то ни было зародиться на эту тему сомнения. Тут дело шло не о гаданиях, а просто о холодной арифметике, числовой и житейской. Рад случаю сказать это здесь, так как меня в те годы обвиняли в игре на гадательную ставку. В Турции я прожил долгое время газетным корреспондентом. Я держусь очень высокого мнения о газетном ремесле: добросовестный корреспондент знает о стране, откуда пишет, гораздо больше любого посла; по моим наблюдениям – нередко и больше любого местного профессора. Но в данном случае несложная правда о Турции была известна не только профессорам, а

даже и послам. Конечно, того, что Германия будет разбита до сдачи на милость, не мог в то время предвидеть и журналист. Но что по всем счетам этой войны платить будет главным образом Турция, – об этом у меня и сомнений не было и быть не могло. Камень и железо могут выдержать пожар – деревянная постройка должна сгореть, и не спасет ее никакое чудо.

В какой точно момент зародилась у меня мысль о еврейском боевом контингенте – там ли, в Бордо, перед афишей, или позже, – я теперь не помню. Думаю, однако, что вообще никакого такого момента не было. Где тот человек, какой угодно веры, который может по совести ткнуть пальцем в определенную дату и сказать: тут я уверовал? Каждый рождается уже с микробом своей секты где-то в мозгу, хотя бы этот микроб и не обнаружился до старости или никогда. Полагаю, что мне вообще всегда было ясно, так сказать, отроду ясно: если приключится когда-нибудь война между Англией и Турцией, хорошо было бы евреям составить свой корпус и принять участие в завоевании Палестины, – хотя до того дня в Бордо я об этом отчетливо никогда не думал. Дело в том, что эта мысль – очень нормальная мысль, которая пришла бы в голову, при таких обстоятельствах, любому нормальному человеку; а я притязаю на чин вполне нормального человека. У нас в еврейском быту чин этот иногда переводится на разговорный язык при помощи речения «гойишер коп»; если это верно – тем хуже для нас.

Через несколько дней я телеграфировал редакции в Москву: «Предлагаю посетить мусульманские страны Северной Африки – выяснить эффект провозглашенной султаном священной войны на местное население». Редакция ответила: «Поезжайте».

Начал я с Марокко; но поехал нарочно через Мадрид. Там жил тогда Макс Нордау¹; не тем будь помянута Франция, но в самом начале войны кому-то в Париже пришла в голову светлая мысль выселить его как «венгерца». Дикое происходило в то время вещи на свете... Я спросил Нордау:

– Если бы можно было убедить англичан образовать еврейский контингент для участия в операциях на Восточном фронте – палестинском – как бы вы к этому отнеслись?

Он отнесся скептически. Мысль правильная, но где найти солдат? Английские, французские, русские евреи служат в местных войсках; в нейтральной части Европы евреев мало; Америка далеко; и притом есть у евреев какое-то нелепо-сентиментальное отношение к Турции, к «кузену нашему Измаилу». Правда, с каких пор стали турки, племя туранское, родней семиту Измаилу, это ни одному ученому неизвестно, но таково настроение, и Нордау самому пришлось с ним столкнуться после знаменитой его отповеди младотуркам на Гамбургском конгрессе.

– Помню ту вашу речь, – сказал я. – вы тогда заявили:

¹ Макс Нордау (1849 – 1923) – врач, писатель, политик и соучредитель Всемирной сионистской организации.

«Ехать в Туреччину, чтобы там ассимилироваться? Это мы можем найти ближе и дешевле». Я тогда приехал в Гамбург из Константинополя и бешено аплодировал.

– А у меня, – ответил он, – конца потом не было неприятностям с некоторыми чувствительными идиотами из нашего окружения: как можно, мол, так резко выражаться о «кузене»?

– Доктор, – сказал я, – но ведь не держать же нам курс на идиотов. Не только турок нам не кузен – и с подлинным Измаилом нет у нас ничего общего. Мы, слава Богу, европейцы: две тысячи лет помогаем мы строить европейскую цивилизацию. Вот еще одно место из другой вашей речи – я запомнил: «Мы идем в Палестину, чтобы раздвинуть моральные границы Европы до самого Евфрата». Худший враг наш в этом деле – турок. Теперь пришел его час. Неужели сидеть нам, сложа руки?

Глубокое слово сказал мне в ответ старый жизнеиспытатель – лишь много позднее довелось и пришлось мне понять, какое глубокое слово. Он покачал мудрой головою и ответил:

– Это, молодой человек, логика; а логика есть искусство греческое, и евреи терпеть его не могут. Еврей судит не по разуму – он судит по катастрофам. Он не купит зонтика «только» потому что в небе появились облака: он раньше должен промокнуть и схватить воспаление легких – тогда другое дело.

Много прошло времени, пока я постиг всю правду этого

замечания; и тогда, между прочим, обнаружилось, что есть на земле еще одно племя с точно таким же отношением к логике, тучам и зонтику – англичане. Только разница та, что у них и легкие крепче, и больше денег на лекарство.

После этой беседы я побывал в Марокко, Алжире, Тунисе, стараясь «обследовать», произвел ли турецкий призыв какое-либо впечатление, есть ли действительная опасность магометанского восстания. Конечно, обращаться за справками к самим мусульманам было бы совершенно бесполезно. Тамшний туземец – великий дипломат (в том «классическом» смысле, о котором еще придется мне говорить по поводу свидания с Делькассэ²). А особенно – когда он боится. Я сделал проще – расспросил местных сефардских купцов: они такие же старожилы, но они умнее и откровеннее; и еврей, если только дело не касается его собственных еврейских интересов, вполне способен проявить и проницательность, и дальнорзоркость. Настроения арабов он знает доподлинно: даже если они ему рассказывают басни, он способен учесть притворство и понять, чего они не договаривают. Почти все эти сефарды – купцы, адвокаты, журналисты от Танжера до Туниса – дали мне один и тот же ответ, и история доказала, что они были правы:

– Призыв к священной войне? Абсурд. О впечатлении смешно и спрашивать. Только у вас, наивных европейцев, еще верят в то, будто на востоке во имя солидарности ислама

² Делькассэ (1852 – 1923) – французский государственный деятель, дипломат.

можно поднять народные массы и двинуть их на серьезный риск. Турки сами в это не верят: вот уже сто лет как Европа бьет турок и отнимает у них лучшие земли одну за другой, и за все это время ни одна мусульманская нация пальцем не шевельнула в помощь султану, хоть он именуется халифом правоверных. Немцы, которые так же наивны, как и вся остальная Европа, убедили турок попробовать еще раз. Безнадежно. Ни одна душа тут за турок не заступится.

После этого, завернув «по дороге» в Рим, я поехал в Египет.

* * *

В Александрии я нашел очень оживленную сионистскую среду. Пароход, о котором говорил тот офицер, действительно привез больше тысячи беженцев из Яффы. Они рассказывали так: внезапно, ни с того ни с сего, тамошние власти велели арабской полиции хватать и тащить «нежелательных» евреев, чуть ли не по выбору околоточного надзирателя. Полицейские («брат наш Измаил») выполнили задание с большим одушевлением, раздавая направо и налево удары, отбирая у изгоняемых утварь и деньги; а на море, на полдороге от пристани к пароходу, арабские лодочники часто впридачу опускали весла и требовали по фунту за каждого «пассажира», грозя в противном случае просто вывалить их в воду... Я пытался дознаться, за что выселили именно этих евреев, а

не других: в их числе были купцы, торговцы, ремесленники, женщины, младенцы, врачи и просто бездельники. Так и не понял, что тут была за система.

Английские власти дали нам бараки и открыли денежный кредит; при канцелярии губернатора был даже устроен особый отдел попечения о беженцах с милым и дружелюбным человеком во главе – звали его мистер Хорнблоуэр. Помню еще одно имя: миссис Бродбент, которая заведовала по поручению Хорнблоуэра крупнейшим из беженских лагерей, в старом загородном дворце Габбари, и которую дети называли «белая дама». Я тоже проработал несколько недель в Габбари. Было там до 1200 душ, в том числе около трехсот сефардов. Мы устроили две кухни: одну ашкеназийскую, одну сефардскую. Сначала, по неопытности, кухню сделали общую, но сефарды вскоре учинили чуть ли не подлинный бунт, жалуясь, главным образом, на то, что им дают «суп», а это у них, как выяснилось, считается чуть ли не покушением на отравление порядочного человека. Мы извинились и дали им особую кухню. Помню, что на первый же завтрак они, в знак примирения, пригласили и меня и угостили меня тарелкой какого-то варева, чрезвычайно вкусного, но, по-моему, совершенно похожего – на суп... Кроме того, была у нас школа, конечно, с преподаванием на еврейском языке; была библиотечка, аптека, вообще целое самоуправление, даже с отрядом стражи, которую мы называли «нотерим». В лагере стоял гам на двенадцати языках – и это не считая еврейского;

хорошо, что почти вся молодежь и половина мужчин знали по-еврейски, иначе, право, не представляю себе, как можно было бы управляться с этим микрокосмосом нашего рассеяния. Тут была бухарская палата, марокканская, грузинская, несколько эспаньольских; и палата учеников Яффской гимназии, которые отказывались принимать хинин, если аптекарь не умел им предложить это лекарство на языке Исаяи. Также помню, что недели через две после высадки те же гимназисты организовали футбольную команду и устроили победоносный матч с александрийскими скаутами.

По утрам приезжали к нам в Габбари большие военные повозки с плечистым австралийским солдатом на козлах и парой громадных австралийских битюков в упряжи – все это для того, чтобы покатать младшую детвору. Австралийцы научились созывать детей по-еврейски: «*yeladim henna!*» – и в одну минуту повозка наполнялась стрекочущей массой ребятишек.

Иногда приходил к нам один из австралийских офицеров, лейтенант лазарь Марголин, подолгу стоял, присматривался, переговаривался с беженцами на ломаном идиш и, вероятно, и не мечтал о том, что через несколько лет быть ему полковником еврейского батальона и что некоторые из этих самых беженцев будут тогда его солдатами.

Сефардская община Александрии честно и широко открыла нам и свое сердце, и свои кошельки. Главный раввин города Рафаэль Делла Пергола, культурный, даже высокооб-

разованный флорентиец (к сожалению, ныне уже покойный), его помощник «Хахам Аврам» Абихзэр, банкир Эдгар Суарес (тоже покойник), видный негодант Жозеф де Пиччотто и многие другие – имен уже не помню, хотя следовало бы помянуть, – работали в бюро, собирали деньги, одежду, постельное белье, книги и представляли за беженцев перед властями. Были, конечно, работники и из русских евреев: З. Д. Левонтин, создатель и тогда еще директор нашей банковской сети в Палестине, добился каких-то кредитов и стал выдавать небольшие суммы тем из беженцев, у кого были вклады в Яффском банке; В. Л. Глушкин, в то время директор винных погребов Ришон-ле-Циона, ежедневно объезжал все бараки и следил за порядком; М. А. Марголис, уполномоченный Нобеля на Ближнем Востоке, состоял казначеем попечительского комитета. Были и нееврейские волонтеры: особенно я помню красавицу-француженку, жену еврейского барона Феликса де Менашэ; всякий раз, когда она привозила в Габбари запас свежего хлеба, я дивился тому, как умно она одета: и просто, и в то же время обдуманно – словно бы имелся у парижских портных специальный покрой именно для такого случая...

Там, в Габбари, и зародился еврейский легион. Два человека сыграли при этом решающую роль: русский консул Петров и Иосиф владимирович Трумпельдор.

Глава 2

Первый опыт – ZION MULE CORPS

Консул Петров был горячий русский патриот. Как он, помимо того, относился в душе к нашему избранному народу, за это я ручаться не берусь – и вообще сам еще не настолько освободился от пережитков дедовской ксенофобии, чтобы иметь право выслеживать зерна того же недуга в чужой душе. Но патриот он был несомненный и притом еще сухой и накрахмаленный бюрократ исконного, классического, деревянного образца. Среди нашей молодежи в беженских лагерях оказалось несколько сот русскоподданных. В то время в Египте еще действовали добрые старые «капитуляции», по которым консул имел экстерриториальные права над «своими» подданными. А поэтому консул Петров внезапно предъявил британским властям требование – отправить молодых людей на военную службу в Россию.

Положение получилось неудобное. Отношение наше и нашей молодежи к этому ходу консула Петрова понятно без объяснений. Но британское начальство, согласно капитуляциям, не имело права ему отказать: напротив, обязано было предоставить к его услугам для этой цели все свои полицейские силы.

К английскому губернатору (официально он именовался «советником» при губернаторе-туземце, но правил городом он) отправлена была депутация: и тут я, старый поклонник эспаньольского еврейства – это, по-моему, лучшие евреи на свете – подметил еще одно их достоинство, которого прежде не знал: как сефард разговаривает с начальством в городе, находящемся на военном положении.

Главным оратором депутации был Эдгар Суарес, банкир обычного банкирского типа, лет пятидесяти пяти, по взглядам – заклятый ассимилятор: с этим губернатором он, должно быть, каждый вечер играл в клубе в покер – но ведь и после этого губернатор оставался губернатором. Суарес спросил его:

– А вы помните, ваше превосходительство, что творилось в Александрии два года тому назад, когда этот самый консул Петров хотел арестовать русского еврея Р. на том основании, что тот был «политическим преступником» в России?

– Помню, – отозвался губернатор несколько уныло, потому что действительно не забыл еще той громадной демонстрации десяти тысяч эспаньолов на главных улицах Александрии, с этим самым Суаресом во главе толпы.

– А помните, – опять спросил Суарес, – как вам пришлось вызвать пожарную команду, с большой кишкой – а мы все-таки не выдали того «преступника»?

– Еще как помню, – ответил губернатор, теперь уже с улыбкой, потому что в конце концов был он все-таки «а

sport» и умел ценить удачную проделку. – Что же мне было делать, когда какой-то босяк перерезал пожарную кишку?

– Позвольте представиться, – ответил Суарес, – я и был тот босяк.

Губернатор рассмеялся.

– Будьте спокойны, – сказал он, – ваших молодых людей мы не выдадим. Конечно, дело очень щекотливое – капитуляции, военное время... но о выдаче не может быть и речи.

После этого визита к губернатору я пошел знакомиться с И. В. Трумпельдором. О том, что он находился среди беженцев, я знал уже раньше, но никогда его не видел. Он жил на частной квартире. На консула Петрова можно было сердиться за что угодно, но одно надо признать: человек он был корректный. Как только до его сведения дошло, что в числе беженцев имеется бывший русский офицер, потерявший руку в Порт-Артуре, он сейчас же послал к нему передать привет и сообщить, что причитавшуюся Трумпельдору пенсию тот может получать ежемесячно в здешнем консульстве. Трумпельдор поэтому ни в чем не нуждался и еще другим помогал.

Я слышал о нем, конечно, еще в России. Хотя следовало бы ожидать, что каждому читателю известна его биография, все-таки, пожалуй, разумнее будет напомнить ее главные черты.

Родился он на Кавказе в 1880 году. Отец его был военный фельдшер, еще из николаевских солдат. «Ося» не видал гет-

то ни в отцовском доме, ни, конечно, в окружавшей его детство кавказской обстановке.

В университет он не попал из-за процентной нормы, а потому сдал экзамен на звание зубного врача. Тут подошла русско-японская война, и Трумпельдор очутился в Порт-Артуре. Во время знаменитой осады он был ранен и потерял левую руку выше локтя, но, выйдя из госпиталя, снова добился отправки на передовые позиции. У него было четыре Георгия.

После плена и заключения мира он попал в Петербург, получил недосыгаемый в то время для еврея чин прапорщика запаса и был принят на юридический факультет. По окончании университета уехал в Палестину и стал простым рабочим где-то в Галилее. Работал с одной рукой прекрасно. Пришла война, и его выселили.

Сослуживец и друг его, покойный Д. Белоцерковский, рассказал мне такой случай из того времени, когда у Трумпельдора еще были обе руки: он уже был «отделенным» (выше этого чина, даже до младшего унтера, нельзя было тогда еврею дослужиться), и взвод его засел в окопах на сопке перед крепостью. Японцы круто наступали; почти все соседние сопки уже были очищены, во взводе Трумпельдора все старшие чины перебиты – кроме прапорщика запаса, который уже давно ушел по начальству за приказом, что делать, и не вернулся. Солдаты начали ворчать, стали ползти к выходу из траншеи. Трумпельдор стал у выхода с винтовкой и

объявил: «кто тронется с места – застрелю». Так и остались они в окопе, пока не опустела и последняя из соседних русских сопок. Тогда он солдат послал в крепость, но сам остался и полез на разведки: осмотрел профиль той местности и пришел к убеждению, что японцев еще можно прогнать. В это время увидел он на равнине, в стороне от огня, офицера в капитанских погонах морского дивизиона, с подозрительной трубкой в руках. Трумпельдор спустился к нему и объяснил: если вызвать свежую роту и поставить ее там-то, можно еще отобрать позицию назад.

– Верно, – сказал капитан. – Сбегай, голубчик, вон за тот бугор – там засела моя команда; скажи старшему офицеру, чтобы шли сюда.

Трумпельдор добежал до пригорка, на который сыпались японские снаряды, вскарабкался на вершину – и увидел, что морская команда, не выдержав огня, «отступила»: «только пятки мелькали» – он вернулся к капитану и доложил. Тот глубоко огорчился: сорвал фуражку, ударил себя кулаком по седой голове и застонал:

– Осрамили! Удрали – как жида!

Трумпельдор подтвердил мне потом этот анекдот, очень весело улыбаясь.

Я застал его дома. Вид у него был северянина, можно было принять и за шотландца или шведа. Рост выше среднего; тонкий, жесткие русые волосы коротко подстрижены, выбрит чисто, губы бледные, со спокойной улыбкой. По-рус-

ски говорил он хорошо, хотя в Палестине научился немного «петь».

Еврейский язык у него капал медленно, был небогат словами, но точен: на идиш он говорил ужасно. Он был хорошо образован, большой начетчик в русской литературе – читал даже вещи, которых никто не читал, Потебню и т. п. – и помнил каждую прочитанную строчку. По сей день не знаю, был ли он из тех, кого у нас в еврейском быту титулуют «умными». Скорее нет. У нас в это понятие входят всякие пряные приправы – подозрительность, скептицизм, хитроумие, умение перекрутить простую вещь навыворот, углубиться до левого уха правой руки позади затылка. Всего этого я в Трумпельдоре не нашел. Зато был у него ясный и прямой рассудок; был мягкий и тихий юмор, помогавший ему тотчас отличать важную вещь от пустяка. Но и о важных вещах он умел говорить просто – без той ходульности, которая иногда чувствуется в его письмах. Говорил он трезво, спокойно, без сентиментов и пафоса и без крепких слов. В последнем отношении даже русская казарма не повлияла. От него я ни разу не слышал бранного слова, кроме разве одного: «шельма этакий». По-еврейски любимое выражение его было «эйн давар» – ничего, не беда, сойдет. Рассказывают, что с этим словом на губах он и умер, пятью годами позже.

С одной рукой своей он управляется лучше, чем большинство из нас с двумя. Без помощи мылся, брился, одевался; резал свой хлеб и чистил сапоги; в Палестине, потом в Гал-

липоли с одной рукой правил конем и стрелял из ружья. В его комнате был совершенно девичий порядок, платье было вычищено; все его обхождение было спокойно и учтиво; и он издавна был вегетарианец, социалист и ненавистник войны – только не из тех миролюбцев, которые прячут руки в карман и ждут, чтобы другие за них воевали.

В тот день нам долго разговаривать не пришлось: с ним вообще не приходилось долго разговаривать. Не принадлежа к цеху «умников», он именно поэтому умел сразу понять дело до конца и через четверть часа ответить да или нет. Тут он ответил: да.

Дечером мы – комитет попечения о беженцах – собрались на квартире у М. А. Марголиса; кроме хозяина, были тут иерусалимский врач доктор Вайц, в. Л. Глушкин, Г. Н. Городецкий, американский турист Г. Каплан, З. Д. Левонтин, Трумпельдор, агроном Я. Г. Этингер и я. Перечисляю имена так тщательно, потому, что – выскажись то совещание против нашего плана – не о чем, вероятно, было бы теперь писать эту книгу. Но оно высказалось за: пятеро против двух, один воздержался. Протокол с датой 17 Адара 5675 года хранится у В. Л. Глушкина в Тель-Авиве.

Через неделю мы созвали беженскую молодежь на собрание в бараке «Мафруза». Пришло около двухсот человек. За президентским столом сидел раввин Делла Пергола и другие члены беженского комитета, в том числе седой В. Л. Глушкин.

Мы представили собранию отчет о положении. Требования консула Петрова англичане, конечно, не выполняют; но и вечно оставаться в бараках на чужом иждивении тоже не годится. С другой стороны – рано или поздно – британская армия двинется из Египта на Палестину. Из Яффы ежедневно приходят новые грустные вести: турки запретили еврейские вывески на улицах, выслали доктора Руппина, представителя сионистской организации, – несмотря на то, что он немец, – арестовали руководящих деятелей еврейского населения и заявляют, что после войны уж и совсем никакой еврейской иммиграции не допустят. Итак?..

Документ, который мы в ту весеннюю ночь подписали в этом голом и темном сарае «Мафруза», хранится теперь у В. Л. Глускина и будет некогда передан в национальную библиотеку нашу в Иерусалиме. Это – кусок бумаги обычного ученического формата; на нем резолюция о том, что учреждается еврейский полк, который предложит англичанам свои услуги для операций в Палестине, и около ста подписей. Первым подписался В. Л. Глушкин.

– Я стар, – сказал он, вырывая у меня перо, – в солдаты не гожусь, но ответственность за это решение беру на себя.

На следующее утро, приехав в Габбари, я застал посреди двора целый парад. Три группы молодых людей обучались маршировать; инструктора были из их же среды, из бывших русских солдат. В углу девочки вышивали знамя; особый комитет из гимназистов уже шумел на весь лагерь, обсуждая,

как перевести какой-то военный термин на язык Библии. Потом приехал Трумпельдор, все три взвода выстроились в колонну и прошли мимо него – или по крайней мере хотели пройти – церемониальным маршем. Он сочувственно улыбался.

Я сказал ему потихоньку:

– Маршируют они ужасно. Как овцы.

Он ответил:

– Эйн давар.

Через несколько дней мы отправили новую делегацию – в Каир. Прежде всего делегация пошла к министру внутренних дел (официальный чин: «советник при...»). Назывался он тогда мистер Рональд Грэхэм; теперь он сэр Рональд и состоит британским послом в Риме. Он оказался точно такой, каким и в книгах изображают шотландцев: сдержанный, неразговорчивый, хорошо прислушивается, но и вопросы задает скупое. Зато вскоре выяснилось, что дело он делает быстро и точно.

Он спросил: «На сколько рекрутов вы рассчитываете?», отметил что-то в записной книжке и сказал коротко:

– От меня это не зависит, но постараюсь.

После этого делегация поехала к генералу Максвеллу, который тогда командовал британскими войсками в Египте. Представил нас ему Каттауи-паша, милый старенький сефард, один из виднейших нотаблей всего Египта. В делегации были Трумпельдор, З. Д. Левонтин, В. Л. Глушкин, М.

А. Марголис и я. Бедного Трумпельдора мы заставили нацепить все четыре Георгия: два медных и два золотых. Генерал пристально посмотрел на него и коротко спросил:

– Порт-Артур?

Но ответ его на наше предложение разочаровал нас глубоко:

– О наступлении на Палестину я ничего не слышал и сомневаюсь, быть ли вообще такому наступлению. Кроме того, по закону я не имею права принимать в британскую армию иностранцев. Могу предложить вам только одно: составить из ваших молодых людей отряд для транспорта на мулах и послать его на какой-нибудь другой турецкий фронт. Больше ничего не могу сделать.

В ту ночь в номере у Глускина мы все просидели до утра, обсуждая, что делать.

Нам, штатским, казалось, что предложение генерала Максвелл надо вежливо отклонить. Французские слова «Corps de muletiers», которое он употребил, прозвучали в наших ушах очень уж нелестно, почти презрительно: пристойная ли это комбинация – первый еврейский отряд за всю историю диаспоры, возрождение, Сион... и погонщики мулов? Во-вторых – «другой турецкий фронт». Что нам за дело до «других» фронтов? Неясно было даже, о каком именно фронте он говорил: первое морское покушение на Галлиполи тогда уже кончилось провалом, а о том, что готовится второе наступление, на этот раз уже с высадкой солдат

на самом полуострове, – об этом еще только шептались. Но одно было ясно: в Палестину их не поведут. Значит, надо отказать. Другого мнения был Трумпельдор.

– Рассуждая по-солдатски, – сказал он, – я думаю, что вы преувеличиваете разницу. Окопы или транспорт – большого различия тут нет. И те, и те – солдаты, и без тех и без других нельзя обойтись; да и опасность часто одна и та же. А я думаю, что вы просто стыдитесь слова «мул». Это уж совсем по-ребячески.

– «Мул», – отозвался кто-то из нас, – ведь это почти осел. Звучит как ругательство, особенно по-еврейски.

– Позвольте, – ответил Трумпельдор, – по-еврейски ведь и «лошадь» тоже ругательство – *bist a ferd!* – но службу в коннице вы бы считали для них честью. По-французски *chameau* – самое обидное слово: однако есть и у французов, и у англичан верблюжьих корпуса, и служить в них считается шиком. Все это пустяки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.